

© 2018 г.

А.В. ВОРОНЦОВ, Д.А. ГОЛОВУШКИН, А.М. ПРИЛУЦКИЙ

МИФОЛОГЕМА РИТУАЛЬНОГО ЦАРЕУБИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО КОНСПИРОЛОГИЧЕСКОГО МИФА

ВОРОНЦОВ Алексей Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии (Vorontsov@herzen.spb.ru, socis-2007@yandex.ru); ГОЛОВУШКИН Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории религий и теологии (golovushkinda@mail.ru); ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, заведующий кафедрой истории религий и теологии (alpril@mail.ru). Все – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Изучение специфики современного религиозного и квази-религиозного мифа делает актуальными исследования конспирологической интерпретации убийства Николая II и его семьи в контексте мифологемы ритуального убийства, что является целью данной статьи. На материале царебожнического дискурса авторы анализируют прагматику и семантику основных концептов, образующих миф о ритуальном убийстве и специфику его социальной прагматики, социо-семиотические особенности мифологемы о ритуальном убийстве. В связи с этим в статье раскрываются содержание и смысл мифологемы ритуального цареубийства Николая II, которая, будучи включенной в политическую повестку современной российской действительности, активно используется в качестве инструмента достижения пропагандистских или апологетических эффектов. Особое внимание уделено проблеме генезиса мифологемы ритуального цареубийства в семиосфере современного маргинального православия, у истоков которой стоит образ «убиенного мученика» царя Ивана Грозного и который служит своего рода критерием ее ортодоксальности. Приведенный в статье контент-анализ нарративов мифологемы ритуального цареубийства Николая II показал, что она является интегральным концептом «царебожничества» – направления в православной субкультуре, которому свойственна вера в особую святость царя Николая II («Царь-Искупитель»). В качестве источников использованы тексты ритуалосферы царебожнических общин и агиографический нарратив современного царебожнического мифа. Полученные результаты подтверждают, что расстрел Николая II интерпретируется в маргинальном православии как эсхатологическое убийство удерживающего пришествие антихриста в мир, что служит проводником «мрачного эсхатологизма», формирует / подпитывает дискурсы страха, которые приводят к радикализации части современных православных верующих.

Ключевые слова: социальная история • Николай Второй • ритуальное убийство • мифология • агиография • религиозный культ • царебожнический дискурс • конспирология • эсхатология

DOI: 10.31857/S013216250002164-3

Постановка проблемы. Термин «ритуальное убийство» сегодня является устойчивым мемом идеологического дискурса. Анализируя события столетней давности, связанные со смертью последнего российского императора, членов его семьи и слуг, современные адепты радикальных православных движений обращаются к мифологеме ритуального убийства для обоснования особого статуса Николая Второго в сонме русских святых. Вера в ритуальный характер убийства Николая Второго порождает

перлокутивный дискурс, формирующий алармистские настроения, эсхатологические страхи, что требует внимания социологов. Религиозная мифология во взаимодействии с социальной оказывается способной влиять на политические предпочтения верующих и на их поведение. Пример с группой последователей душевнобольного Петра Кузнецова, под влиянием эсхатологических пророчеств последнего удалившегося в добровольный затвор (дело «пензенских затворников» 2007 г.), в этом отношении вполне показателен.

Мифологема ритуального убийства относится к числу древнейших инструментов диффамации конкурентных этнических и религиозных обществ, поскольку в условиях религиозной, этнической и политической борьбы ее мощная иллокутивность оказывается востребованной для достижения пропагандистских или апологетических целей. Иосиф Флавий в трактате «Против Апиона» приводит один из первых образцов воспроизведения этой мифологемы в позднеантичном антисемитском дискурсе: «Поймав какого-нибудь греческого бродягу, они (т.е. евреи) в продолжение года кормят этого человека, затем, отведя в какой-то лес, убивают, тело его по своему обряду приносят в жертву и, вкусив от его внутренностей, во время жертвоприношения приносят клятву в том, что всегда будут ненавидеть эллинов. Вслед за тем останки этого человека они бросают в какой-то ров» [Flavii, 1850: 79].

В условиях обострения этно-конфессиональных отношений и политического кризиса мифологема ритуального убийства превращается в инструмент политической борьбы, диффамации и демонизации противника. Поэтому на протяжении истории европейской культуры, начиная с античности и заканчивая новейшим временем, данная мифологема воспроизводилась в различных формах, применительно к реализации разных прагматических установок. Несмотря на относительную частотность воспроизведения в религиозно-политических и культурно-политизированных дискурсах, мифологема ритуального убийства представлена лишь в двух основных вариантах – «кровавом навете» и «мартирологии ритуального убийства святого-мученика», что свидетельствует о ее низкой степени вариативности. При этом от мифологемы ритуального убийства следует отличать тексты семиосферы, формирующейся на основе реальных случаев убийства людей, совершенных маниакальными личностями, относящимися, например, к контркультурам сатанинского паттерна, даже если подобные убийства оказываются катализаторами продуцирования социальной мифологии.

Мифологема ритуального убийства и царевубийственный миф. В рамках современного квазирелигиозного конспирологического мифа, популярного в среде маргинального православия, именно мифологема ритуального убийства выполняет интегрирующую функцию, формируя из отдельных псевдоисторических сюжетов достаточно мощный, обладающий значительной иллокутивной силой мифологический комплекс, образуемый четырьмя мифологизированными фигурами – Иваном Грозным, Николаем Вторым, Григорием Распутиным и И.В. Сталиным. Перечисленные деятели почитаются (хотя в различной степени) как мученики, пострадавшие от могущественных заговорщиков – то есть как результат убийства, причем убийства ритуального.

Текстовое развертывание мифологемы ритуального убийства в семиосфере маргинального православия наблюдается преимущественно в дискурсах литургики, агиографии, религиозной публицистики и церковного просторечия. При этом наиболее содержательными являются литургические и публицистические тексты; агиография и церковное просторечие в данном случае скорее воспроизводят мифологические паттерны, сформировавшиеся в пространстве ритуалосферы и церковной публицистики, придавая элементам мифа свойства устойчивых текстоорганизующих систем.

Представление о том, что Иван Грозный является жертвой ритуального убийства, формируется в контексте сложного символизма преемственности царской власти вопреки всякой исторической достоверности: Иван Грозный, «отравленный жидами»¹ и (или) боярами-изменниками, становится символическим прообразом («предтечей»)

¹ В царевубийственной семиосфере герменема «жид» превратилась в пустое рамочное понятие, часто не более чем синоним понятию «очень плохой человек».

царя-искупителя Николая Второго, ритуальное убийство которого является своего рода общим местом современного царебожнического мифа.

В настоящее время отсылки к личности Ивана Грозного и тем религиозно-политическим идеалам, выразителем которых он считается, регулярно воспроизводятся в дискурсах политической и художественной культуры, в результате чего под воздействием сложных механизмов семиотизации «исторический Иван Грозный» трансформируется в семиотическую проекцию «литературно-публицистического мифа» [Коцюбинский, 2014: 130], в своего рода «царя-символ», убийство которого заговорщиками априорно носит символический и ритуальный характер. Из этого возникает необходимость различать «исторического» и «мифологического» Ивана Грозного. Однако мы должны учитывать, что образ «кровавого тирана – абсолютного злодея» столь же мифологичен, как и образ «святого мученика-государственника», убитого демонизированными противниками; оба они используются в контексте споров о природе власти в современной России. Такая политическая актуализация образа средневекового правителя Руси началась не сегодня. Уже в идеологическом дискурсе современников Ивана Грозного формируется представление о том, что царь «принимает на себя грехи общества во имя достижения главенствующей в сознании народа идеи общественной пользы. В этом акте он становится и мучителем, и жертвой, и героем, который, жертвуя собой во имя идеала, все же продолжает героически нести этот крест до конца» [Лукьяненко, 2014: 13]. В отечественном идеологическом дискурсе 1930–1950 гг. формируется триада: Иван Грозный (создатель – первый царь древнерусского государства) – Петр Первый (создатель – первый император Российской Империи) – И.В. Сталин (создатель социалистического государства, «вождь всех времен и народов») [Мутья, 2010: 349], которая использовалась для символической легитимации власти.

В настоящее время приходит активное формирование альтернативной «мистико-религиозной триады» оклеветанных правителей, чей сан мученика и даже великомученика, не признаваемый священноначалием Русской Православной Церкви, интерпретируется в эсхатологическом контексте: Иван Грозный – Николай II – И.В. Сталин. Как и в первом случае, при этом наблюдается символическое погружение исторических деятелей в пространство религиозно-политического мифа, в результате которого историческая достоверность приносится в жертву идеологии. Иван Грозный предстает как прообраз «Царя Искупителя», Николай Второй является непосредственной персонализацией мифологемы «ритуально умученный Царь-Искупитель», он выступает как «икона Царя Христа», – «подвиг Государя Императора Николая II – есть икона искупительного подвига Господа нашего Иисуса Христа»². Соответственно И.В. Сталин интерпретируется в этом контексте как своего рода символическое предзнаменование ожидаемого восстановления монархии³, «продолжатель и выразитель идеала царской власти» [Прилуцкий, 2016: 92], а мифологема об убийстве Сталина заговорщиками, пресловутыми «жидами», обретает коннотации ритуального убийства.

Царская власть, в идеологии средневековой Руси соотносимая с «высшим символом порядка» [Байбурин, Топорков, 1990: 73], метафорически соотносится с личностью «советского космократора», который подобно царю Московскому преобразует анархический хаос в упорядоченный и иерархически организованный «космос». Поэтому убийство царя всегда есть покушение на принцип упорядоченности, богоборческое действие, направленное на привнесение в мир хаоса, анархии и разрушения богоугодного порядка. При этом мифология ритуального убийства царя-космократора агентами демонических сил может рассматриваться как *reductio ad absurdum* старорусской идеологемы царской жертвы, «жертвенности царя, его готовности пострадать за христиан» [Каравашкин, 1998], за божий мир и существующий в нем

² Царь Николай II Александрович – Искупитель Святой Руси. URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_9797/ (дата обращения: 02.03.2018).

³ Иосиф Виссарионович Сталин. Сборник материалов о Святом Богоданном Вожде Русского Народа – «стальном императоре» Иосифе Великом (Сталине). URL: http://www.ic-xc.nika.ru/texts/books/Sborniki/Stalin_Iosif_Vissarionovich/Iosif_Velikii_SBORNIK.html (дата обращения: 02.03.2018).

порядок. Интересно, что семантическое поле ритуального цареубийства включает в себя не только персон царской фамилии, но и Григория Распутина (Друга Царя) и И.В. Сталина, именуемого в одном из богослужебных текстов «стальным императором». Последний становится своего рода метафорическим заместителем царя, поэтому его предполагаемое убийство обретает черты если не собственно ритуального действия, то как минимум обладающего мистическим значением антиповедения. Известная семиотическая амбивалентность образов Ивана Грозного и И.В. Сталина в дискурсах маргинального православия, обеспечивающая их относительно легкое включение в две вышеупомянутые и взаимоисключающие триады (на символическом уровне Петр Первый является антиподом Николая Второго) представляет собой разновидность более сложной двойственности образа «Москвы-Третьего Рима», – новое символическое прочтение идеи «двух градов» – «святого, теократического города и вместе с тем... имперской государственной столицы» [Лотман, Успенский, 1982: 238].

Очевидные противоречия мифологем и основанных на них теологем историческим источникам, препятствующим подобной герменевтике образа Ивана Грозного в дискурсах маргинального православия, снимаются благодаря задействию конспирологической мифологии: царь «оклеветан и убит» врагами, которыми искажена и переписана история его правления, причем ритуальное убийство Ивана Грозного интерпретируется как своего рода «репетиция» ритуального убийства Николая Второго. Кроме того, «посмертная клевета» превращается в модус символического убийства, а царь становится мучеником вдвойне: убийцы не только лишили его жизни, но и совершили символическое насилие над его памятью – «от своих же слуг поношение и злобу не при жизни только, но и по смерти приявший. Радуйся, от грешных оклеветанный, от святых прославленный; Радуйся, за поношение и клеветы к блаженным сопричтенный». Данная герменевтическая стратегия оказывается успешной, поскольку снимает формальные препятствия к почитанию Ивана Грозного («деспот» трансформируется в «мученика») и при этом включает последнего в агиографическую категорию многочисленных чтимых и вполне «каноничных» убитых и посмертно оклеветанных святых, и через это – метафорически и аллегорически в квазиновозаветный контекст, поскольку эталоном святости является Сам оклеветанный Христос Спаситель. Обращение к логике конспирологического мифа, результативное в плане апологетики образа «исторического Ивана Грозного», содержится во вполне каноничном житии митрополита Филиппа, в тексте которого «сам Иван явился жертвой коллективного заговора» подлых и неверных слуг [Каравашкин, 2006]. Данный процесс можно рассматривать как пример трансляции мифологемы в социум посредством церковно-канонических институтов альтернативного православия [Хасин, 2010: 78], преследующей цель усиления институтов последнего. Почитание святого царя Ивана Грозного, как «ритуально убиенного мученика», придает неканоническим юрисдикциям привлекательность в глазах той части монархистов, которые так или иначе почитают Ивана Грозного (симпатизируют ему), но не порывают связей с РПЦ МП.

Отсылка к мифологеме «оклеветанный святой» содержится в названии одного из Акафистов – «Акафист благоверному царю-мученику Иоанну Грозному, за веру православную со сродниками убиенному и оклеветанному», что как бы привносит компоненты конспирологического мифа в состав агионима, где он явственно соотносится с мифологемой «ритуальное убийство». Именно как мученик Иван Грозный прославляется в пара-литургическом тексте «Акафиста» – «Поюще мученическую кончину твою, Венценосче святой, хвалим тя вси, яко одушевленный храм Духа Божия».

Мифологема ритуального убийства в контексте народного почитания Николая Второго. При всей значимости для семиосферы царебожников образ Царя-мученика Иоанна все-таки не обладает самостоятельным значением. Его прагматическая задача – сформировать необходимые герменевтические предпосылки для развития ключевой мифологемы о Царе-искупителе Николае Втором. Как известно, религиозная семиосфера традиционна и традиционалистична. Поэтому наличие прецедентов в истории, аналогов, даже просто похожих сюжетов часто рассматривается как своего рода негласный критерий ортодоксальности, без чего теологические

построения легко могут быть обвинены в модернизме и скомпрометированы. Поскольку мифологема о Царе-искупителе Николае Втором с теологической точки зрения оказывается очень уязвимой, и это прекрасно осознают ее адепты, наличие некоего аналога в лице первого русского царя Ивана Грозного, интерпретируемого как ритуально убиенного мученика, оказывается способным отчасти решать апологетические задачи. Но образ Ивана Грозного нужен именно как прецедент, а не эквивалент, отсыл к историческому примеру должен обеспечивать каноническую легитимность культа Николая Второго, но при этом не заслонить последнего. Если миф о ритуальном убийстве Николая Второго разработан до мельчайших деталей, то повествование о ритуальном убийстве Ивана Грозного отличается непроработанностью, поскольку для формирования прецедентности детали не нужны, достаточно, что данная мифологема просто артикулируется. Задача мифа о ритуальном убийстве Ивана Грозного состоит не более чем в фундировании культа Николая Второго, самостоятельного значения в данном контексте этот миф не имеет.

В рамках формируемой семиосферы страдания ритуально убиенного Царя-Искупителя Николая Второго прославляются как «неизреченные», то есть превосходящие страдания древних и новых мучеников, метафорика страдания императора раскрывается в метафорах «истинно голгофских мук», «лютото мучительства», уподобления «многострадальному Иову», смерть его метафорически интерпретируется как жертва – «сораспялся еси, в жертву всесожжения благоуханную и непорочную за Соборный грех России на Екатеринбургской Голгофе принесоша»⁴, он претерпел «пропятие»⁵ (т.е. распятие). Отличительной чертой религиозного семиозиса является выраженный семиотический дрейф, полюсами которого обычно являются метафорическая и символическая интерпретация семиотически значимых элементов дискурса. В рамках семантического поля страдания семиотический дрейф позволяет запускать особые герменевтические механизмы, позволяющие в зависимости от контекста интерпретировать базовые семемы как собственно метафоры (в этом случае речь идет не более, чем о сходстве страданий Николая II и Голгофских страданий Христа), или как символы их онтологической тождественности, что теологически совершенно неприемлемо для классического православного богословия. Семиотический дрейф придает соответствующей семиотической структуре известную ризоматичность, априорно формирует пространство нечетких дефиниций и интуитивно угаданных смыслов, акцент со значений семем переносится на область коннотаций.

Метафоры голгофской муки кроме семантического поля страдания участвуют в формировании *семантического поля метафоры Христа*. Данное семантическое поле обладает более сложной структурой, поскольку метафоричность базовой семемы раскрывается на нескольких уровнях. Первый уровень может быть определен как «подобие Христу» – он представлен в метафорах, уподобляющих смерть Николая II Голгофскому распятию Спасителя – «жертве Христовой в подобие», «Хриstopодобный подвиг», «Хриstopодобный крест»⁶.

Мифологема о ритуальном убийстве Николая Второго, в силу сказанного, является интегративным концептом всей царебожнической семиосферы. На ее основе формируются устойчивые мифологические дискурсы, интерпретирующие убийство царской семьи как жуткий сатанинский ритуал, совершенный некими мифическими «жидами», «черным раввином» etc., etc., и одновременно как жертва за «соборный грех» России, коллективно повинной в измене царю. При этом обряд, совершенный убийцами, вписывается в контекст конспирологической истории – он тоже имеет аналог (но не эквивалент) в деле Бейлиса. «Не сомневаюсь в том, что в том и другом

⁴ Акафист Царю Николаю II – искупителю. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4271174/post176325742/> (дата обращения: 02.03.2018).

⁵ Покаянная молитва Святому Царю искупителю Николаю. URL: http://akafist.narod.ru/N/Tzar_Nicolay_iskupitel_3.htm (дата обращения: 02.03.2018).

⁶ Акафист Царю Николаю II – искупителю. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4271174/post176325742/> (дата обращения: 02.03.2018).

случае ритуала (над Андрюшей⁷ и над Царем с Семей) есть свои особенности, которые я объясняю себе тем, что жидами-каббалистами над Царем совершен был еще более сложный ритуал, в лице Его была принесена еще более сложная жертва, над Ним была совершена уникальнейшая черная месса, единственная в своем роде. Она должна была обеспечить мировой закулисе мировое господство, но торжество их привело их к провалу и поражению, а скоро и поголовному истреблению! Совершенный ритуал над Андрюшей Ющинским был более элементарной и простой жертвой, – нечто вроде нашей обыкновенной литургии, проскомидии»⁸.

Кроме того, мифологема ритуального убийства Николая Второго позволяет усилить корреляцию монархических и эсхатологических мифов, поскольку позволяет включить монархический нарратив в пространство эсхатологии. В качестве интегрирующего элемента, обеспечивающего эту корреляцию, является эсхатологическая *теологема удерживающего*, трансформируемая в царебожнических дискурсах до уровня мифологема. По данным, приводимым профессором А.Д. Беляевым, в дискурсах политической теологии Российской Империи присутствовали представления о том, что силой, удерживающей приход антихриста, является именно российский император [Беляев, 1898: 522]. В неканоническом акафисте Царю-искупителю Николаю II эта теологема трансформируется в мифологему: «Явился еси, Царю Николае, яко Благодатию преизобильно осененный, до времени положил еси предел тайне беззакония, Державу Твою и весь мир от нашествия антихристово удерживающе»⁹. Семиотическая амбивалентность образов, на структурном уровне формируемая семиотическим дрейфом от символа к метафоре, не допускает возможности однозначной интерпретации данного текста: он может быть соотнесен и с личностью последнего монарха, и с институтом российской монархии. Однако особое указание на «благодатность» Николая II и перлокутивный эффект всего отрывка в плане призыва к почитанию именно Николая II, причем как «царя-искупителя», позволяют сделать предположение о мифологическом, а не теологическом характере данной герменемы.

В результате убийство Николая II интерпретируется как эсхатологическое убийство *удерживающего пришествие антихриста в мир*, подобное злодеяние уже имплицитно является ритуальным. Не случайно дискурс об антихристе в его различных вариантах предполагает элемент ритуальности. Антихрист изображается как маг и первосвященник сатанинской антицеркви, совершающий зловещие ритуалы, соответственно сатанинские контркультуры (разного рода общества сатанистов) являются предельно ритуализированными (обряды на кладбищах, ритуальные осквернения, черные мессы etc., etc.). Вера в ритуальный характер убийства Николая II явно представлена в текстах ритуалосферы, напр. «Радуйся, злобою жидовской ритуально умученный».

В нарративах царебожнического мифа представлены попытки доказать ритуальный характер убийства последнего императора при помощи «обобщений», при том, что источники не указываются вовсе. В результате формируется своего рода перечень признаков ритуального убийства, который должен убедить не критично настроенных людей в ритуальном характере убийства. Так, автор анонимной статьи «Убийство Царской семьи носило характер ритуальной казни, и имело темную мистическую подоплеку» выделяет двенадцать таких признаков:

1. Жертвами ритуального убийства становятся глубоко верующие люди;
2. Убийство тщательно планируется;
3. Сатанинский характер убийства скрывается;
4. Убийство совершается там, где жертва обыкновенно находится;
5. Ритуал жертвоприношения начинается в полночь, а само убийство происходит позднее;

⁷ Подразумевается дело Бейлиса.

⁸ Ритуальное убийство святой царской семьи. URL: <http://ruguard.ru/forum/index.php/topic,532.0.html> (дата обращения: 02.03.2018).

⁹ Акафист Царю Николаю II – искупителю. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4271174/post176325742/> (дата обращения: 02.03.2018).

7. Убийство происходит в канун христианского праздника или дня, чтимого сатанистами;

8. Убийство совершается особым ритуальным ножом;

9. Голова жертвы отделяется от тела и «выставляется в сатанинском храме»;

10. Тело жертвы расчленяется;

11. Останки вывозятся в лес, обливаются бензином и сжигаются, а затем закапываются;

12. Убийство сопровождается глумлением над Богом¹⁰.

Очевидно, перед нами образец «псевдо-типизации»: исторические и легендарные обстоятельства именно убийства Николая II, его семьи и слуг легли в основу данного перечня. Отсюда и «удивительные совпадения», долженствующие поразить и убедить доверчивого читателя в ритуальном характере цареубийства.

Некоторые выводы. Мифологема ритуального убийства Николая Второго является интегральным концептом царебожнической семиосферы. Прочие убиенные князья и цари, начиная от свв. Бориса, Глеба и Андрея Боголюбского и заканчивая императором Павлом Петровичем¹¹, выступают как символические предтечи последнего Императора, создающие прецедентный контекст его особого подвига «царя-искупителя». Согласно формируемой мистико-политической мифологии, убийство православного царя неизменно является актом мистическим и опосредованно ритуальным. Таким образом, формируются герменевтические механизмы расширительной трактовки данной мифологемы, способствующие усилению мрачного эсхатологизма. Впрочем, вопрос о семиотических и семантических отношениях между мифологемами царебожнического мифа и актуальной эсхатологии требует особого прояснения.

Сегодня, когда православная общественность ожидает заключение комиссии по идентификации останков царской семьи, мифологема ритуального убийства оказывается включенной в политическую повестку современности. Периодически делаемые отдельными иерархами и общественными деятелями заявления о предположительном ритуальном характере убийства царя и его семьи вызывают значительный общественный резонанс. Формирование дискурсов конспирологического мифа вокруг екатеринбургской трагедии способно обострить религиозную ситуацию и оказать негативное влияние на динамику межрелигиозных отношений. На фоне этих процессов существует вероятность того, что герменевтика мифологемы ритуального убийства может использоваться в качестве инструмента формирования общественного мнения и радикализации части православных верующих. Изучение ее герменевтической специфики обретает известную политологическую и социологическую актуальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990.
- Беляев А.Д. О безбожии и антихристе. Т. 2. Сергиев Посад, 1898.
- Каравашкин А. Власть мучителя. Конвенциональные модели тирании в русской истории XI–XVII вв. // Россия XXI. 2006. № 4. С. 62–109.
- Каравашкин А.В. Мифы московской Руси: жизнь и борьба идей в XVI веке (Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский) // Россия XXI. 1998. № 11–12. С. 88–126.
- Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Распутин. Жизнь. Смерть. Тайна. М.: КоЛибри, 2014.
- Лотман М.Ю., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 236–250.
- Лукьяненко А.А. Мифологический и сакральный аспекты образа русского правителя: историософский анализ // Путь науки. 2014. Т. 2. № 9 (9). С. 10–14.

¹⁰ Убийство Царской семьи носило характер ритуальной казни, и имела темную мистическую подоплеку! URL: <http://monomah.org/archives/1542> (дата обращения: 02.03.2018).

¹¹ Отметим, что убийство террористами Александра Второго практически не находит отражения в дискурсах царебожничества. Вероятно, причина этого не столько в морганатическом браке Императора (Ивану IV «прощается» и куда более экстравагантное поведение), сколько в общем либеральном характере этого царствования.

- Мутья Н.Н. Иван Грозный: историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 2010.
- Прилуцкий А.М. «Сталинский миф» в религиозном и парарелигиозном дискурсах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 87–95.
- Хасин В.В. Интеграция «ритуальных» мифологем в общественную ментальность и историческую память российского социума в XIX–XX веках // История и историческая память. 2010. № 1. С. 75–91.
- Flavii Iosephus. Opera omnia: Ad optimorum fidem accurate ed. Bellum Judaicum. Lib. V–VII. Contra Apionem. Tomus VII. Lipstae, 1850.

Статья поступила: 17.05.18. Принята к публикации: 28.05.18.

THE MYTHOLOGEM OF RITUAL REGICIDE IN THE CONTEXT OF MODERN CONSPIROLOGICAL MYTH

VORONCOV A.V., GOLOVUSHKIN D.A., PRILUCKIJ A.M.

Russian State Pedagogical University A.I. Herzen, Russia

Alexey V. VORONCOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of Sociology and Religious Studies (Vorontsov@herzen.spb.ru, socis-2007@yandex.ru); Dmitriy A. GOLOVUSHKIN, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. of Sociology and Religious Studies (golovushkinda@mail.ru); Alexander M. PRILUCKIJ, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Department of Sociology and Religious Studies (alpril@mail.ru). All three – Russian State Pedagogical University A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia.

Abstract. Today the term “ritual murder” is a constant meme of the ideological discourse. In their analysis of the events connected with the death of the last Russian emperor, the members of his family and his servants which took place a century ago, the modern followers of the radical Orthodox movements address the ritual murder mythologem in order to justify the special status of Nicholas II among the Russian saints. The faith in the ritual character of Nicholas II murder creates alarmist attitudes and eschatological fears that require attention of sociologists. The article analyzes social and semiotic features of the ritual murder mythologem. Using the material of “sacralization of the tsar” discourse the authors analyze pragmatic and semantic aspects of the main concepts that form the myth of the ritual murder and the specifics of its social pragmatics. The authors prove that the mythologem of the ritual murder of Nicholas II is an integral concept of the “sacralization of the tsar” semiotic sphere. The other murdered princes and tsars from the saints Boris, Gleb and Andrei Bogolyubsky to the Emperor Paul I act as symbolic predecessors of the last Emperor, creating a precedent context of his special deed as the “Redeemer Tsar”. According to the forming mystical and political mythology, the murder of an Orthodox tsar is a necessary mystical and indirectly ritual act. In such a way the mechanisms of the broad interpretation of this mythologem are formed, which leads to the strengthening of gloomy eschatology. Today, when the Russian Orthodox community is tensely awaiting the conclusion of a commission to identify the remains of the royal family, the mythologem of ritual murder family of the last Russian Tsar ought to be included in the political agenda of our time. Periodically made by some Hierarchs of the Church and public figures statements about the supposedly ritual nature of this murder cause a significant public response, the formation of discourses of the conspiracy myth around the Yekaterinburg tragedy can exacerbate the religious situation and have a negative impact on the dynamics of interreligious relations. Against the backdrop of these processes, it is likely that hermeneutics mythologem of ritual murder can be used as a tool for shaping public opinion and radicalizing a segment of Orthodox believers.

Keywords: social history, Nicholas II, ritual murder, mythology, hagiography, religious cults, sacralization of the tsar discourse, conspiracy theories, eschatology.

REFERENCES

- Bajburin A.K., Toporkov A.L. (1990) *At the Origins of Etiquette. Ethnographic Essays*. Leningrad: Nauka (In Russ.)
- Belyaev A.D. (1898) *Godlessness and the Antichrist*. Vol. 2. Sergiev Posad. (In Russ.)
- Flavii Iosephus. (1850) *Opera omnia: Ad optimorum fidem accurate ed. Bellum Judaicum. Lib. V–VII. Contra Apionem*. Tomus VII. Lipstae. (In Latin)
- Hasin V.V. (2010) Integration of “ritual” mythologies into the public mentality and historical memory of the Russian society in the XIX–XX centuries. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. No. 1: 75–91. (In Russ.)
- Karavashkin A.V. (1998) Myths of Muscovy: the life and struggle of ideas in the XVI century. *Rossiia XXI* [Russia XXI]. No.11–12: 88–126. (In Russ.)
- Karavashkin A.V. (2006) The power of the torturer. Conventional models of tyranny in the history of Russian XI–XVII centuries. *Rossiia XXI* [Russia XXI]. No. 4: 62–109. (In Russ.)
- Kotsyubinskii A.P., Kotsyubinskii D.A. (2014) *Rasputin: the Life. Death. The secret*. Moscow: KoLibri. (In Russ.)
- Lotman M. Ju., Uspensky B.A. (1982) Echoes of the notion “Moscow as the third Rome” in Peter the Great’s ideology. *Hudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya* [Artistic language of the Middle Ages]. Moscow: Nauka: 236–250. (In Russ.)
- Lukyanenko A.A. (2014) Mythological and sacral aspects of the image of the Russian ruler: a historiosophical analysis. *Put' nauki* [The Way of Science]. Vol. 2. No. 9 (9): 10–14. (In Russ.)
- Mut'ya N.N. (2010) *Ivan the Terrible: Historicism and Person of Ruler in Russian Art XIX–XX Centuries*. Saint Petersburg: Aleteyya. (In Russ.)
- Priluckij A.M. (2016) The Stalin Myth in the Religious and Para-Religious Discourses. *Vestnik severnogo (arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: humanities and social sciences]. No. 2: 87–95. (In Russ.)

Received: 17.05.18. Accepted: 28.05.18.